

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *В. Щербакова*

Иллюстрация на обложке *В. Нартова*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Игра на одевание / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-205799-1

Первую жертву маньяка окрестили «труп невесты». Убийца нарядил ее в истлевшее свадебное платье и усадил в позу куклы во дворе свадебного бутика. Полковник МВД Гуров понимает: такая театральность говорит о том, что душегуб жаждет славы и потому не ограничится одним «спектаклем»... Следующая жертва появилась в Саратове. Девушка была привязана к стеле, запястье прижато к губам, словно она кусала себя в припадке ненависти. Что бы это могло значить? Гуров знакомится с преподавателями местного университета. С их помощью ему удастся расшифровать послания маньяка, зашифрованные в позах жертв. Но это не предотвращает новое страшное происшествие...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Макеев А.В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-205799-1

Глава 1

Понедельник

Под потолком кофейни, где ранним морозно-хмурым октябрьским утром, борясь со сном, оперуполномоченный Гуров пил американо, парили тыквы со светодиодными свечами вместо мякоти. Над винтажными столиками с ажурными чугунными ножками витал аромат ванили, масла, корицы, тягучих детских ирисок и шоколадной крошки, дрожащей на облаках кофейной пенки. В маленьких гробах-конфетницах, наполненных мармеладными глазами с красными белками и открытием местного кондитера — тонким голубично-клюквенным мармеладом под названием «Язык висельника», — сидели пушистые пауки.

Розововолосая татуированная бариста в футболке с Битлджузом угощала посетителей румяным печеньем со сливочным кремом и капельками карамельно-пивного соуса. На деревянной подставке для тортов теснились липкие синнабоны, на которых таяла ярко-сиреневая, ядовито-зеленая и оранжевая глазурь.

Начиналась неделя, которую венчала мистическая ночь с тридцать первого октября на первое ноября. Богато украшенная, суетливо-праздничная Москва с нетерпением балованного ребенка на Кремлевской елке ждала Самайн, Самхэйн или Хеллоуин, и ее безоглядное веселье будило разгул нечисти, вечных, коварных, грозных и мстительных потусторонних сил. Неслучайно древние кельты называли Праздником смерти наступающий День Всех Святых.

Проходившая под висевшими на лесках тыквами девушка прошептала:

— Как в «Гарри Поттере»! — И бросилась делать селфи.

Попавший в кадр спиной Гуров хмыкнул, в очередной раз удивившись слиянию прагматичности и инфантильности в молодом поколении. Со своими гаджетами, худи, блокчейнами, «спайсами», мемами, лавандовым рафом, пузырьковым чаем, дорамой, школьным буллингем, киберсталкингем, ажурными тату по всему телу и додокоидами оно еще верило в сказки про торжествующих над злом сирот, волшебные палочки, метлы для полетов и волшебство.

— Поцелуешь меня в ушко эльфа, — нежно обещала кому-то в голосовом сообщении, чтобы отправить вслед за селфи, поклонница Гарри Поттера, когда Гуров услышал знакомый голос:

— Зачем наряжаться? И так чисто эльф!
■ Острые уши торчком, лицо лошадин...

Кофемашина заглушила продолжение реплики, которое могло испортить девушке настроение прямо-таки магическим образом.

— Удлиненное, — уточнил описание Гуров и подвинулся к окну, освобождая место своему соратнику и коллеге Станиславу Крячко, утреннее ворчание которого он узнал бы даже во сне.

— Звучу как бабка, сыпящая проклятиями? — с сожалением спросил тот.

— Может, мы оба стареем, Стас? — Гуров пододвинул другу тарелку с печеньем «Ведьмины пальцы», и тот, поморщившись, откусил краешек, с облегчением разжевав миндаль.

— Глупый праздник, — буркнул Крячко. — Тыквы, ведьмы, паутина из баллонов. Я на входе запутался — проклял все.

— Поосторожнее с этим, — предостерег Гуров, обводя взглядом кофейню, — когда такая чертовщина творится.

Крячко покачал чашку, глядя, как на пенке оживает лицо привидения.

— Да уж... Чего только не придумают...

— Это латте-арт, — кисло бросила девица, собиравшаяся нарядиться для кого-то эльфом, и снова уткнулась в айфон.

— Извиняюсь, грамоте не обучен, — виновато отозвался Крячко. — Но к субботе наверстаю упущенное. Приду за утренним кофе в костюме вампира. Если дежурить выпадет.

— У нас умеют попить крови, конечно, — кивнул Гуров. — Но я, даже если сам дьявол вызовет, в праздник дома останусь. У Маши планы на этот вечер. Хочет отметить его так,

чтобы было что рассказать молодым актрисам на репетиции. У них, знаешь, это милое женское соперничество, кому шубу длиннее подарили.

— Шубу?

— Ну, сезонный эквивалент. На Восьмое марта меряются бриллиантами, букетами, размером посещенных островов.

— Меньше, да лучше? — улыбнулся Крячко.

— Ну да. Ведущей актрисе вообще остров с двумя домами подарили. С прислугой. Она уже фото в соцсетях выложила.

— Дай угадаю: без этого подарок не считается?

— Вроде того. И потом, это тоже способ общения с поклонниками творчества, мой друг. Зрители теперь следят за актрисами не только со сцены, но и в соцсетях. И им важно, чтобы любимая актриса хорошо выглядела в гриме нечисти на Хеллоуин или в свитере с оленем на Новый год.

— Чувствую себя оленем, что так далек от народа, — ухмыльнулся Крячко.

— Ну вот, Мария моя говорит, что из соревнований с мягкими игрушками и шоколадом выросла, но от селфи в костюме ведьмы с ведром сладостей не откажется. Так что я после работы в магазин, — Гуров достал из кармана список, — за гирляндой в виде летучих мышей, ведром для конфет, мармеладными червяками, набором сиреневых свечей, подушкой в виде тыквы, паутиной в баллончиках...

Крячко достал из-за спины перевязанный жгутом шар из оранжевого плюша:

— Подушку держи. А паутину не покупай. Как и все остальное.

— Ну уж нет! Эта пятница создана для подключения гирлянд и зажигания свечей. Пусть все будет так, как хочет жена!

— Хочешь насмешить бога — построй планы. — Крячко залпом допил кофе, потому что на его телефоне высветился номер секретарши начальника — Верочки. Гурову не повезло больше: ему звонил сам Петр Николаевич Орлов.

* * *

Когда друзья сели в машину, Гуров включил телефон на громкую связь.

— Кто там жаловался, что давно интересных дел не было, а одна бытовуха? Поздравляю, орлы! Бог услышал ваши молитвы, — бухтел генерал.

— Петр Николаевич, не тяни. — Гуров завел машину. — Говори сразу, куда ехать.

— В страну любви, в объятия Купидона, — проворчал начальник уже спокойнее. Было слышно, как он прикуривает.

Гуров и Крячко переглянулись. Из-за проблем с сосудами врачи запрещали Петру Николаевичу сигареты, и только серьезные неприятности могли заставить его закурить.

— В свадебном бутике в Подсосенском час назад нашли женщину. Уборщица вынесла мусор во внутренний двор, а там... В общем, свидетельницу с инфарктом на «Скорой» увезли. А вас на адресе опергруппа ждет.

— Так пусть заходят, — вступил Крячко. — Нам туда по пробкам добираться еще...

— Я распорядился, чтоб ждали. Хозяйка бутика — Юлия Паршина. По мужу.

— Тому самому, у которого заводы, пароходы и продюсерский центр, где два года назад старлетку убили? — Гуров консультировал следователя, который вел то дело.

— И патриотичное крымское вино, — подтвердил Орлов. — Мне его адвокат из конторы «Белов и партнеры» уже все уши вынес...

— «Беглов и партнеры» в деле? — оживился Крячко. Адвокат Белов «отмазал» столько мерзавцев, что сотрудники МВД переименовали его фамилию.

— Куда ж мы без них? Господин Белов настаивает, что нужно как можно скорее разобрататься со случайной жертвой во дворе элитного бутика — все забываю его птичье название — и по возможности не беспокоить Юлию Юрьевну. Она в стрессе и не в ресурсе, чтобы с нами говорить. Эта ситуация выбила ее «из пространства осознанности»!

— Почему это жертва «случайная»? — ухмыльнулся Крячко.

— «Стресс», «ресурс» — кто так говорит вообще? — поддержал Гуров. — Откуда там ее выбило?

— Вот и выясните. Только осторожно. Может, у Юлии Юрьевны — Белов зря не нарисуетя — стресс неспроста.

* * *

Машина Гурова въехала в переулок, где, как кукольные домики на полке детского шкафа, созданного каким-нибудь волшебником-крестным Дроссельмейером, ютились отреставрированные купеческие особняки. Опергруппа ждала начальство у высокой двери в стиле ар-деко, которая скрывала от прохожих узкий проход между свадебным и цветочным бутиками во внутренний дворик, где днем «Вдова Клико» унимала мешающий щедрому шопингу предсвадебный мандраж, а по вечерам отдыхала и сплетничала свита самых богатых невест Москвы.

Оперуполномоченный Армине Ароян остановилась на мгновение, чтобы сделать кадр со стилизованными под старину табличками на мятном и кремовом домах — «Подвишневый переулок, дом 5» и «Подвишневый переулок, дом 7». Гуров доверял этой экзотически красивой молодой брюнетке, редко поднимавшей глаза из-под длинных ресниц, фотографирование мест происшествий за хладнокровный, цепкий взгляд и редчайший дар визуального рассказчика. Армине умела кадр за кадром, от панорамы до деталей, воссоздать историю преступления: нетронутый замок, наведенный порядок, странгуляционная борозда на шее убитого старика, небольшой гвоздь в стене, пустой подрамник на балконе, отпечаток пальца на нераспечатанной коробке свежайшего зефира, спрятанной в сервант растроганным хозяином квартиры.

Вот и сейчас Гуров шел следом, полагаясь на чутье и сдержанность Армине, однако услышал тихий возглас девушки, буквально застывшей на краю заднего дворика с фонтаном и садом. В еще тлеющем свете настенных фонарей на дощатом ящике для цветов неуклюже сидело словно вылепленное из обожженной голубой глины, сплошь изрезанное, одетое в свадебное платье тело. В утренних сумерках оно казалось призраком.

Подошедший к Гурову молодой помощник Игорь Портнов пораженно произнес:

— Как манекен...

Оперативники приблизились.

В сверкающем корсете пышного платья зияла дыра. Босая нога в кружевной подвязке виднелась из разорванной многослойной юбки, вдоль пышных складок которой тянулись неестественно изломанные, обтянутые тугими рукавами руки. Пальцы одной из них едва касались отрубленной, увенчанной засохшими розами на синем парике головы.

— Если зомби кокетничают, то это именно так выглядит. — Армине сделала панорамное фото. — Я будто в декорациях к триллеру. Или...

— «Труп невесты», — подсказал судмедэксперт Иван Санин. Он осторожно дотронулся до изящного плеча девушки. На нитриловой перчатке остался бирюзовый с неоновым, как синяя гуппи, отливом мазок. — Как в мультике.

Все обернулись. По лицам членов опергруппы заскользили улыбки.

— А что? У меня дочь любит! Там случайно живой парень женится на зомби, хотя любит другую. И вот он попадает в загробный мир...

— А может, это «Вампиры средней полосы»? — возразил Портнов. — Там вампирша Аня на вечеринку так одевается. По-моему, самая красивая девушка в современном кино. Она еще в каком-то триллере про серийную убийцу снялась... Как он назывался? Все! Теперь буду весь день гадать!

— «Самка богомола», — подсказала Армине. — С Ириной Розановой.

— И эти люди смеются надо мной! — проворчал Санин. — Коллеги, у вас тонкий художественный вкус!

— На анализ возьму. — Криминалист Сергей Семенов провел по голубой коже убитой ватной палочкой. — Проверим, зомби она или вампир.

— Как думаешь, что это? — спросил Гуров.

— Может, театральный грим с блестками. Точнее завтра скажу.

Семенов осветил плитку специальным фонарем, и всем стало не по себе. Ультрафиолет проявил сотни брызг.

Армине посмотрела на труп в объектив:

— На «безголовые» портреты Рейландера похоже.

— Чего? — спросили Санин и Портнов хором.

— В викторианской Англии был такой фотограф — Оскар Рейландер, — терпеливо объяснила Армине. — Он печатал снимок с двух скомбинированных негативов, чтобы

люди держали свои головы на руках, подавали их к столу или отрубали в кадре родным.

— Час от часу не легче! — вздохнул Семенов. — Какой сегодня познавательный день!

— Что бы все это, — Гуров обвел рукой место преступления, — ни значило, мы столкнулись с чрезмерной жестокостью. Такое делают с теми, кого люто ненавидят. Или на ком вымещают злость на весь свет. И готовы продолжать.

Санин указал на сломанный ноготь жертвы:

— Посмотрим, есть ли под ногтями чужая кожа, кровь.

— ДНК не помешает, — кивнул Гуров. — Хотя что-то мне подсказывает: в нашей базе его нет. Убийца не торопился. Его действия ритуализованы. Этот человек старше тридцати. Может, гораздо. Он опытен, возможно, проделывал такое не раз и уверен в своей безнаказанности. Усадил ее тут, как в витрине, то есть, по сути, заявил, что имеет право делать с ней все, что пожелает. Что имеет на это право.

— А если он попадался на чем-то более мелком? Изнасиловании, например? — Портнов вынул из клумбы серебристую кроссовку жертвы и аккуратно упаковал ее в мешок для улик.

— Мелком! — хмыкнула Армине, фотографируя голову жертвы. — Может, мы просто других убитых пока не нашли?

— Или не знаем, что это серия. — Гуров изучающе посмотрел на фасад свадебного бутика. — Интересно, работают ли камеры?

— Дохлый номер, — сказал Портнов и осекся, глядя на труп. — Извините. В смысле, камеры здесь не работают. Ни во дворике, ни с ули-

цы. Сотрудники сказали: «Мы не можем нарушать слежкой психологический комфорт клиентов. Невесты и так нервничают из-за предстоящего торжества. Мы дарим им гавань, где их не достигнет стресс».

— Прямо слоган! — Армине сделала крупный снимок венка на отрезанной голове. — На камерах в переулке жертва и убийца точно должны мелькнуть.

— Мелькнули, — кивнул Портнов. — В пяти экземплярах. За углом был концерт группы «Колпак». Играют фолк-рок. Среди слушателей как минимум пять девушек в таком парике и костюме. Примерно одной комплекции, в толпе женщин-кошек, готических ведьм, жен кролика Роджера и принцесс Фион, Арий Старк, матерей драконов и Гермион. Так что...

Он развел руками.

Ароян осторожно убрала искусственные волосы и сфотографировала красивое, искаженное ужасом лицо.

— Мучилась долго. Значит — не хочу ему сочувствовать, — все, что он с ней делал, отражает то, что когда-то делали с ним. Ее страдания — кривое зеркало его прошлого. Странно, что никто не слышал ее криков...

— Алкоголь или наркотик для изнасилований, — пояснил Санин. — Оба делают жертву расторможенной, дезорганизованной или, наоборот, заторможенной, сонливой. В таком состоянии человек может вообще не кричать.

— Не напоминай! В теме по уши. — Портнов полгода распутывал серию изнасилований, жертвы которых помнили только, как

пришли в бар. О случившемся позже догадывались утром по травмам промежности и синякам на лице. — Хочется верить, что она его хоть раз укусила или оцарапала.

— Поживем — увидим. — Санин явно предвкушал работу. Его взгляд коснулся порванного платья жертвы. — Его грязные секреты вам тоже расскажу.

— Самое противное, — скривился Портнов, — сперма в ней или на ней, в зависимости от того, как субъект достиг оргазма.

— Зато это помогает увидеть зацепку при опросе знакомых преступника или жертвы. — Армине сфотографировала разрыв белой ткани.

— Ольга Борисовна Воронова, — прочел Гуров на выброшенных в чистую урну у чугунной лавочки документах. — По паспорту двадцать семь лет.

В открытой двери бутика застыла, закрыв рот ладонью, рыжеволосая женщина с веснушчатými полными руками, одетая в строгое платье-футляр без рукавов. Она, очевидно, услышала конец разговора оперативников и пыталась справиться с отвращением, вызванным им.

— Елена Андреевна Кузина, администратор. — Представившись, женщина нерешительно показала поднос с небольшим френч-прессом для кофе и вазочкой с мармеладом и пастиллой. — Вот. Ваш коллега просил передать.

Армине приняла у нее поднос. Когда Кузина скрылась в дверном проеме, Гуров хмыкнул:

— До чего же заботлив отсидевшийся в окопе наш товарищ Крячко.

— И щедр, — хором согласились все.

* * *

Ирония Гурова объяснялась тем, что, пока он с экспертами и помощником мерз на улице, Станислав Крячко не спеша пил горячий шоколад с миниатюрными лавандовыми раковинами-безе в окружении барочной роскоши Petit Trianon, созданной лучшими дизайнерами Москвы.

Названный в честь любимого замка Марии-Антуанетты, свадебный бутик Юлии Паршиной ослеплял гостей свечением хрусталя и позолоты, увлекал причудливым узором порхающих жаворонков и выющихся круглых, многолепестковых белых роз на обоях, обступал рядами воздушно-зефирных платьев всех оттенков торжественного белого, благородной слоновой кости, восхитительно непретенциозных ягодных, леденцовых, пастельных тонов.

Крепкому полковнику Крячко было тесно в розовом кресле с гнутыми ножками и подлокотниками. Он боялся задеть резной столик с вазой хрупких сиреневых тюльпанов и кэнди-баром с ванильными эклерами, профитролями и швейцарскими трюфелями. А еще показать смешным двум портнихам, вышивальщице, кондитеру и пяти менеджерам по продажам бутика Petit Trianon. Девять миловидных девушек с каштановыми локонами и пухлыми губами, одетые в полупрозрачный мятный шифон с кружевом, хлопали ресницами в ответ на вопросы об Ольге Вороновой. Глядя на них в ответ, Крячко думал только об одном: «Как же складно ангелы врут!»

— Значит, в число постоянных покупательниц убитая не входила? — уточнил он вслух.

— Ну, покупала один раз какую-то мелочь, — пожала плечами первая менеджер.

— С год назад, — кивнула вторая.

— Длинные перчатки, кажется, — подтвердила третья.

— Нет, — поджала лаковые губы одна из портних.

— Мы ушивали ей голубое платье подружки невесты от Кенли Коллинз, — гордо заявила ее коллега голосом, в котором слышался снобизм творца, ставящего на место продавщиц.

Вышивальщица не отреагировала. «Значит, для тебя в тот день работы не было», — глядя на нее, решил Крячко.

— Это та, что взяла платье из проекта «Подיום», — четвертая менеджер понизила голос, будто боясь богохульствовать, — «на вечер»?!

— Деревня, — нахмурилась кондитер.

— Можно вывезти девушку из деревни, — закатила глаза пятая менеджер, и все закивали, — но нельзя вывести деревню из девушки.

— Понимаю. — Крячко откусил лавандовый макарун и с восхищением посмотрел на кондитера. — Прекрасная текстура и отменный миндальный хруст!

Комплименты подействовали на персонал, как преданный лай Артемона на Мальвину. Девушки расслабились, загалдели, потянувшись наманикюренными пальчиками к кэнди-бару. Администратор, подслушавшая разговор через приоткрытую дверь своего кабинета, с облегчением бросилась кому-то звонить. «Очевидно,

пребывающей не в ресурсе начальнице», — решил Крячко.

— А помните, — засмеялась менеджер ювелирного отдела, — как она сказала, что диадема на второй полке должна быть с бриллиантами вместо бесцветных топазов и сапфиров в верхней линии?

— И хотела к ней фату «как у Марии-Антуанетты»! — издевательски подхватила одна из портних.

Слушая их, Крячко с тоской представлял, что далеко от приторной красоты Petit Trianon, через пол-Москвы, его жена Наташа пекла румяные дрожжевые пироги с капустой, поглядывая в телевизор. И в ее домашних свитере, джинсах и уггах, малосольных огурцах, пирогах и жареной картошке для Крячко было больше красоты, чем в нарядной стае юных созданий, живущих ради процента с продаж, которые сообщая скармливают ему такую же приторную, как их пирожные, ложь. Крячко будто кожей чувствовал, что погружается в нее, как в густой и липкий ванильный крем.

— Переделка драгоценностей, вышивка фаты — странные желания для девушки, которая, судя по истории кредитной карты, абсолютно не ваш клиент. И как деревенщина, не знающая дизайнеров проекта «Подиум», — Крячко мысленно поблагодарил жену за выбор телепрограммы, под которую та привыкла готовить, — узнала среди товаров вашего ювелирного отдела копию подвечного головного убора племянницы Николая II? И якобы принадлежавшую Марии-Антуанетте фату?

Девушки со страхом переглянулись. Администратор выбежала из кабинета, с ходу выпалив:

— Юлия Юрьевна скоро будет!

Девушки зашептались, а Крячко кивнул:

— Жду!

Полковник легко поднялся с надоевшего узкого кресла и взял с полки в ювелирном отделе украшение, сверкавшее, как кристаллы льда на солнце.

— То, что вы провинциально называете диадемой, — назидательно обратился он к менеджеру ювелирного отдела, — вообще-то тиара, незамкнутый подвид диадемы.

Девушка пристыженно опустила голову.

— Оригинал, — продолжал полковник, — изготовлен ювелирами Cartier из бриллиантов, платины и горного хрусталя. Узнать, что в современной копии подарка Феликса Юсупова невесте бриллианты заменены на бесцветные топазы и сапфиры, можно только в музее князей Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке. А то, что княгиня венчалась в фате, якобы принадлежавшей Марии-Антуанетте, писал в мемуарах сам Юсупов...

Где-то в глубине зала послышался тонкий звон дверного колокольчика на нитке жемчуга.

— Оля всегда хорошо готовилась, — раздался твердый голос, заставивший обернуться Крячко.

Полковник увидел кареглазую брюнетку средних лет, укутанную в норку пастельного оттенка и бежевый кашемир. Плавные линии одежды едва смягчали жесткость аристократически бледного лица: устойчивого подбородка,

почти прямых бровей, высоких скул. «Волк в овечьей шкуре, — подумал Крячко. — Для разговоров с такой нужен хищник».

— Как вы внезапно окрепли нервами, Юлия Юрьевна! — Внутренняя дверь открылась, и в бутик вошел Гуров.

— Что угодно, чтобы помочь вам в поисках Олиного убийцы, — твердо ответила Паршина и, открыв перед оперативниками спрятанную в «птичьем» узоре обоев дверь в свой кабинет, обратилась к перепуганной Кузиной: — Елена Андреевна! Отнесите коллегам наших гостей свежий чай, вишневый глинтвейн. Все как для замерзших невест. И нормальные бутерброды. Не с круассанами, а хлебом. Как себе.

Гуров и Крячко переглянулись с видом «это будет интересно». И чутье их не подвело.

* * *

Интерьер кабинета Паршиной был прост. Сыщикам показалось, что из кукольного домика их перенесло в скучный офис с кофемашиной, тепло-серыми стенами, практичным геймерским креслом и жалюзи.

— Клиенты здесь не бывают, — будто услышав их мысли, пожала плечами Паршина. — Все, как я хочу.

— Сотрудницы магазина тоже ввали, потому что вы так хотите? — перехватил инициативу в разговоре Гуров. Как и Крячко, сыщик понимал, что перед ним железная леди, что она не должна чувствовать себя хозяйкой положения.

— Бутика, — чуть наклонив голову, поправила его Паршина. — И я вынуждена признать, что вы правы. Мои сотрудницы лгали, потому что я попросила их.

Она закурила. От оперативников не укрылось легкое дрожание холеных рук.

— Не сейчас, два года назад, когда устроила Олю на работу, — вновь заговорила Паршина. — Оля была моей находкой. В прямом смысле слова. Я нашла ее в бутике одного раскрученного дизайнера на Патриарших. Богатенькой девочки, коллекции которой создают безымянные трудяги. Не суть.

Юлия подошла к кофемашине и вернулась с высокими белыми кружками американо. Гуров почувствовал приятное тепло согретых об уютную толстую керамику рук. Крячко с облегчением увидел на широких блюдцах сушки с маком, а не ажурные пирожные Petit Trianon.

— Оля продала мне всю новогоднюю коллекцию, — продолжала Паршина. — Меня поразило, как легко она пересказывает все, что буквально впитала от этой избалованной девочки, которая родилась с ложкой «Тиффани» во рту. От ее модных рабов. Пафосных подружек. Модели-бойфренда... Оля умела учиться всегда и на всем, с чем сталкивалась. Самые капризные, лживые, закомплексованные, раздражительные, скрытные люди воодушевлялись, становились приветливыми, откровенными, делились знаниями рядом с ней...

— Кто, например? — настожился Гуров.

— Например, я, — тихо ответила Паршина. От оперативников не укрылось, как увлажнились ее глаза.

— Я сразу позвала ее на работу консультантом и неожиданно для себя рассказала, что не люблю этот бутик, построенный мужем для первой жены. — В голосе Юлии Андреевны мелькнула горечь. — Она историк моды, специалист по люневильской вышивке. Отделочные работы завершились к подписанию бумаг о разводе. И наша бывшая, — Паршина заговорила с издевкой, — предпочла забрать себе другой бизнес, раскрученный. Теперь ее продюсерская компания снимает костюмные драмы про русских цариц для федеральных каналов. А я руковожу этой... кузницей женских грез.

Сыщики усмехнулись.

— А что здесь делала Воронова? — спросил Гуров. — При ней найдены ключ от двери во внутренний дворик, — он достал вещи убитой, — и несколько подарочных карт на небольшие суммы в ваш магазин.

Паршина с грустью посмотрела на упакованный в пакет для вещдоков серебристый клатч:

— Это я ей подарила. Как лучшему и единственному засланному покупателю.

— Это как? — спросил Крячко.

— У нас много покупателей в выходные. Оля приходила сюда в эти дни и притворялась наследницей угольных шахт из Кемерово, которая мается от скуки и без конца пышно выходит замуж за первых встречных. А после развода «лечится» нашими вечерними платьями ■